

«ЭТНОГЕНЕЗ» ГУМИЛЕВА И БУДДА

Сама человеческая жизнь в ее «погоне за...» систематически воспроизводит энергию жизни, концентрируя ее (перераспределяя) в людских сообществах, коллективах, отдельных личностях и их действиях. Она, конечно, рассеивается, уравниваясь в биосфере, но опять концентрируется и т.д.

Интересно с этой точки зрения учение Будды. Он отказывается такому пути (концентрировать и воспроизводить, множить) и выбирает «срединный путь». Будда «по минимальной», диагонали, пройдя через сансару и, не плодя кармических последствий, навсегда уходит из мира.

Что будет, если так сделают все? Сансары не будет. Где скапливаться, концентрироваться энергии? В каком ином тигле ее пережигать, сублимировать? Во что и кому? Или жизненная энергия перестанет коллапсировать и биосфера исчезнет?

Не имеют ли того далекого смысла наши «бессмысленные» жалкие цели и потуги, чтобы улавливать, задерживать, затрудняя, накачивать и, расширенно, воспроизводить живую жизнь, дабы функционировала биосфера и жизнь как таковые? А с нею и все физико-химические процессы земли и космоса (участие жизни в обмене веществ, Вернадский)? *[Идол-ловушка. Или, скажем древнейшим языком ариев – жертвой жертве жертвою.]*

Человек, цивилизация – «чувственная ткань», субстанция жизни и материи «и только»? Каждый человек – «печка» Гумилева и открытая система одновременно!

Интересно соединить идею Будды о майе («иллюзорности») предметного мира и пассионарность этноса Гумилева. Последний рассуждает, что всевозможные отважные, отчаянные, одержимые действия людей и отдельного человека (от Ромула до Ньютона) – следствие избытка биохимической энергии по Вернадскому (необходимость сублимации). Но тогда, может быть, наше предметное видение, принципиально, есть майя.

Галлюцинация есть следствие переутомления (или приема особой пищи!).

Предметное видение есть колоссальное напряжение природы, усиленная концентрация, сосредоточенность природного животного тела. Чтобы увидеть отдельное, предметы, цельные вещи, а не процессы, не становление, не «смазь» и переходы (промежутки), нужна систематически колоссальная энергия, особый образ жизни (питание, строение, способ передвижения, перемещения и прочее), особая СТАТЬ. Постоянное вглядывание в предметы, сосредоточение на их «сути и содержании» создают бешеную усталость органов наших: глаз, мозга, гортани от члено-раздельного (!) говорения и объяснения. Короче, для того,

Гумилев и Будда

чтобы только видеть по-человечески, нужна уже вся эта «инфраструктура», называемая цивилизацией и культурой.

Получается, что предметный мир обязан человеку, не только в том смысле, что его видим, созерцаем мы, и никто другой. Но что мы по своему образу и подобию (по своему видению) строим именно его. В хаосе, в бесчисленных процессах становления, протраиваем космос, порядок, железобетонные конструкции.

<<Кстати, очень напоминающие по образу и способу существования пустынные глыбы космических тел-планет.>>

Но, например, солнце строит мир иначе (!), по своему образу и подобию, река - по своему, живые существа по-своему. Предметный мир - наш мир, он сидит у нас на шее.

И мы вынуждены из других процессов «сюда», в этот мир, качать все больше энергии, наконец, подключаем микро- и мега-мир (они не предметны?!). Осуществляя, тем самым, грандиозный перекоп, асимметрию мира. (И подготавливая наш собственный финиш.) Чем больше, тем ожесточеннее борьба, тем невыносимее темпы человеческой жизни, страданий. Это наша сансара, наш ад.

В этом смысле, Будда – первая личность, ибо он сознательно о-ПРЕДЕЛ-ил свое МЕСТО в жизни и «вы-брал себя» (вычерпал!), ЧЕЛО-ВЕКА (конечно, в западной терминологии), «срединным путем», уйдя в нирвану. Даже бодхисаттвы этого не смогли, им жалко людей, они прониклись и пронизаны быванием (земной жизнью, ее парадигмами), они остались здесь «для нас», правда, вроде бы, не множат «кармических последствий».

...

«Создание рук человеческих выходит за пределы природного саморазвития!» Гумилев. (Гумилев, иногда с простотой ребенка строит гениальные «герменевтические» конструкции, не отдавая отчета в их глубокой метафизичности.) «Конец...», с.60.

Что это значит?

1. А то, что человек – продукт избыточности. Нужно было куда-то выбросить (канализовать) лишнюю энергию («выкидыш», по терминологии Сайкиной). И она выбросилась (сублимация) в качестве антропогенеза, и систематически выбрасывается для поддержания его. Но потом человек стал эксплуатировать (паразитировать) это место, дабы выжить! Здесь оказались сугубо его, человеческий способ производства, существования, ЕГО МЕСТО. И,

2. получилось, что человек качает энергию в «никуда», «за пределы» природы! (Честное: «Искусство бесполезно!»). Этот монстр выносит все постоянно из дома природы. Он – вор, мот, разоритель, кутила, «гуляка

Гумилев и Будда

праздный». Но процесс вынесения и есть культура («окольный путь» Выготского), цивилизация, человек.

Потом, правда, это все стаскивается и возвращается опять «домой», в природу: умирание, разложение и прочее. Но,

3. человек все более разворачивает эту дугу, околицу, неся околесицу, оттягивая земную участь смертного. (Положение Шехерезады и др.) Это отклонение, путь и «кисту» (аппендикс) своей жизни, замедляя и противясь возврату в процесс замкнутого жесткого «былого» саморазвития природы. Тем самым,

4. люди создают все более невиданные комплексы задержания и выработки энергии. Откуда? Из микро- и мега-мира. Стало быть, работают опять на,

5. саморазвитие природы, становясь бессознательно, ее сознательным звеном. Эвон как! (Маркс о том, что нигде нет примеров «сотворения», везде лишь «взаимопереход энергий».) Что дальше?

...

А дальше вот, что можно предположить.

Влезши в микро (и макро) мир, мы столкнулись с совершенно другими скоростями, пространствами и временами. Короче, мы начинаем постепенно изменять предметности (ей), предавать абсолютность, уходить из вечности этого, видимого нам сейчас, макромира. Начинаем упираться на текучесть, начинаем видеть изменчивость, переходы и т.д. – пока, правда, метафорически и метафизически (релятивизм, относительность, толерантность, «пофигизм» и маргинальность, виртуальность). Но вот,

6. может быть, путь компьютеров: связь с макромиром через клавиатуру; компьютерная графика (невесомость, безразличность «откуда строить») создадут постепенно у наших детей иную «чувственную ткань» (А.Н.Леонтьев) сознания, а потом и познания. И они уже будут видеть иначе, принципиально иначе.

<<Писал же «сумасшедший» Гумилев, что аборигены Австралии видят стык кадров на пленке и им приходится крутить фильм... быстрее.

При размышлении, сказанное не кажется уже такой одиозностью. Я вспомнил, что где-то читал об использовании строк «между» кадрами в рекламных целях. Человек их не воспринимал умом, когда смотрел фильм, но, натолкнувшись на «проблему приобретения товара», вдруг вспоминал (стало быть, глаз фиксировал!), что он где-то слышал или видел что-то такое («слово-знак»), и... искал «что и где». Второе. Я поразился самому себе, как я быстро отвык от большого экрана, «после телевизора». В кинотеатре я не успевал следить за событиями на большом пространстве, хотя сидел прилично

Гумилев и Будда

от экрана. Полагаю, что этого уже не учитывают и режиссеры с операторами. Третье. Стоит прибавить «эффект лупы» Леонтьева.>>

Во всяком случае, греческий эротизм, раблезианство, «колабрюньоновское» мироощущение должны обязательно претерпеть (уже претерпели) существенные изменения. Будет ли это предметное видение и какова будет его онтология? Это, во-первых. А во-вторых, каков будет ее «социальный эквивалент», общественное бытие будущего человека, и человека ли?

Человека, человека! Ведь последний это не внешний вид, а принципиальная возможность жить в мире (конкретной всеобщности) и строить мир (всеобщую конкретность). Человек – граница, промежуток.